

А. Д. Никитина

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ В ДОИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования правовой культуры на севере Месопотамии с конца XX по XIII вв. до н.э. (до создания на исследуемых территориях государственных структур имперского типа)

Выявление специфических элементов правовой культуры указанного региона проводится на основе подробного исследования документов публичного права – Средне-ассирийских законов и частноправовых источников, обнаруженных в городе Ашшур и центрах системы торговых колоний в Малой Азии – Канише и Алишаре. Ведущая роль в создании таких коммерческих сообществ принадлежала именно выходцам из Ашшура, которые не только постоянно поддерживали тесные связи с метрополией, но и использовали в управлении колониями юридические институты аналогичные тем, которые себя успешно зарекомендовали на родине.

Основным правовым инструментом торговой организации стала судебная система общины, копирующая действующую в Ашшуре. Решения, которые выносили подобные суды, становились прецедентами, которые в дальнейшем использовались в качестве источников для создания публичных правовых норм и актов правоприменительной практики.

Ключевые слова: история, правовая культура, судебные органы, прецедентное право, источники публичного права, частноправовые документы, правоприменительные акты, адвокат, юридические случаи, судебный процесс.

В последнее десятилетие древневосточное право (особенно это касается знаменитых Законов Хаммурапи) становится объектом изучения не только отечественных специалистов историков, но и профессиональных юристов, правоведов и даже студентов юридических специальностей¹.

Однако интерес ученых, прежде всего, вызывает правовая культура южной и центральной Месопотамии (царства Шумера и Аккада и Вавилонии), изобилующая как частноправовыми, так и публично-правовыми текстами (такими как законы царя Ур-Намму, законы правителя Липит-Иштара и, как указано, законы царя Хаммурапи).

Источники же из северной Месопотамии продолжают, к сожалению, изучаться исключительно специалистами-востоковедами, хотя среди них также имеются любопытные для правоведов документы.

Среди публично-правовых материалов наиболее важными, по нашему мнению, являются устав

ашшурских торговых колоний в Малой Азии и средне-ассирийские законы.

Документы, написанные на старо- и средне-ассирийском диалекте аккадской клинописью на глиняные табличках, были найдены в начале XX в. в основном экономическом центре севера Месопотамии – Ашшуре, и в нескольких наиболее значимых форпостах системы торговых колоний в Малой Азии – Канише, Алишаре и др.

Частноправовые источники более сложны для исследования, поскольку попытка изучить юридическую составляющую текстов осложняется спецификой самих документов, основанных, прежде всего, на устных обычаях делового оборота, но не на строго фиксированных обязательственных правоотношениях.

В документах, подавляющее большинство из которых – личные письма торговцев, фиксировались экономические и правовые последствия вступления в правоотношения в рамках обычаев делового оборота². Такие эпистолярные источники,

¹ Аврутин Ю.Е. Государство и право: теория и практика, М.: Юнити-Дана, 2009. - 504 с., с.2-43; Перевалов В.Д. Теория государства и права, М.: Юрайт, 2010. – 379 с., с.47-83.

² Eisser G., Lewy J. Die Altassyrischen Rechtsurkunden vom Kültepe, 1930. Leipzig. T.1-2, 1930, S. 9-341, T.3-4, 1935, S.2-168; Rendre la justice en Mesopotamie, 2000. 265 p. P.89-112; Veenhof K. Mesopotamia. Old Assyrian period // Westbrook

датированные концом XX – XIX вв. до н.э., всегда рассматривались учеными, прежде всего, как основа для изучения экономики северной Месопотамии, в целом, и коммерческой торговли, наиболее важную роль в которой играли купцы из Ашшура, в частности³.

В своей работе мы постараемся исследовать специфику правовой культуры севера Месопотамии, имевшую существенные отличия от известных юридических традиций юга, подробно изучив указанные публично-правовые и частные источники.

Рассмотрим, прежде всего, публично-правовые документы.

Три сильно фрагментированные небольшие таблички, относящиеся примерно к 1950 г. до н.э., представляют собой т.н. устав торговой колонии иностранных (преимущественно, ашшурских) купцов, расположенной в Малой Азии⁴. Остановимся подробнее на первой из них.

Первая из указанных табличек открывается интересной правовой формулой – *tašimtum ša kārim* «решение торговой колонии». О каком же решении сообщается в тексте? Документ описывает процедуру принятия судебных решений по делам, касающимся членов торговой организации. Судебное заседание проводится либо всеми участниками торгового сообщества, либо 1/5 его частью (*ḥamuštum*). Во всех случаях его формальным председателем являлся представитель наиболее богатых и уважаемых граждан города (т.н. «великих» *gabūti*). Далее сообщается, что для

решения конкретного дела (как по финансовым, так и не по финансовым вопросам) писец должен разделить всё собрание торговцев-участников общества на три части (правда, не совсем ясно, по какому принципу будет осуществляться подобное деление: имущественному, этническому или другим). Именно треть будет принимать решение по вчиненному иску, но в том случае, если данные представители не смогут вынести приговор, тогда дело будет разбираться на собрании всех членов организации. Решение в таком случае принималось большинством членов торгового сообщества (при этом необходимо учитывать, что большинство рассчитывалось, прежде всего, от количества «великих» богатых купцов).

Таким образом, можно отметить, что процессуальные вопросы, связанные с организацией суда и вынесением различных решений по делам, были приоритетными как для членов торговой колонии, так и для её руководителей.

Среднеассирийские законы, дошедшие до нас в поздних редакциях, датированных третьей четвертью II тыс. до н.э., были созданы предположительно во второй половине XVIII в. до н.э.⁵. Четырнадцать таблиц и фрагментов законов, представляющих собой результат фиксации юридических норм городской общины, были обнаружены в 1903 и 1914 гг. (в публикациях их принято обозначать прописными латинскими буквами от А до О). По видимому, законы хранились частично в архиве городского ашшурского суда, частично у городских ворот, где проводились заседания суда, расположенных между храмом Шамаша и дворцом, и частично в храме Ашшура - городского бога-покровителя.

Наиболее крупные из сохранившихся фрагментов – А, взаимодополняющие В+О и С+G. Остальные фрагменты табличек – D, E, F, J, K, M и N содержат только несколько обрывочных строк текста и, поэтому, не могут быть для исследователя репрезентативными.

Обратимся к единственной сохранившейся практически целиком табличке А. Она, как указано в конце документа, была составлена во II месяц

R. A historia of ancient near eastern law, 2003. V. I-II. Leiden-Boston. 986 p. P. 432-478.

³ Driver R. G. Studies in Cappadocian Tablets // *Revue de Assyriologie et anthropologie orientales*, 1927. V.24. № 4. P. 153-179; van der Meer P. Une correspondance commerciale assyrienne de Cappadoce, 1931. Roma. 147 p.; Gelb I.J. Inscriptions from Alishar and vicinity, 1935. Chicago. 236 p.; Kienast B. Altassyrische Texte des Orientalischen Seminars der Universität Heidelberg und der Sammlung, 1960. Berlin. 289 s.; Garelli P. Les Assyriens en Cappadoce, Paris.1963. 467 p.; Larsen M. T. Partnership in old Assyrian trade // *Iraq*, 1977. V.39. № 1. P. 119-145; Янковская Н.Б. Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР. М.: Наука, 1968, 306 с., С.14-91.

⁴ Driver G. R. The Assyrian laws, 1935. Oxford. 617 p. P. 376-432; Дьяконов И.М., Дунаевская И.М., Магазинер Я.М. Законы Вавилонии, Ассирии, Хеттского царства // *Вестник древней истории*, 1952, № 3, С. 265-267.

⁵ Les lois assyriennes, Paris: LEDC. 1969. 358 p. P. 261-338; Law collections from Mesopotamia and Asia Minor (by M.T. Roth), Atlanta. 1997. 287 p. P.153-194.

года, 2-го числа во время управления должностного лица-эпонимата Сагиу.

Источник посвящен правовому положению женщины в рамках семейных правоотношений. Составитель таблички попытался кодифицировать имеющиеся в его распоряжении правовые нормы по принципу, использованному в законах Хаммурапи, где они группируются по предмету регулирования, а переход от одной нормы к другой должен осуществляться по принципу ассоциации.

Таким образом, с 1 по 12 статьи включительно в табличке представлены нормы, регулирующие такой вид правоотношений, который в современном праве относится к уголовному праву (кража, клевета, преступления против личности, а также убийство и причинение тяжких телесных повреждений, виновницей или одним из инициаторов которых была женщина).

При этом, для ученого интересен тот факт, что клевета на бога и царствующего правителя, произнесенная женщиной и считавшаяся тяжким преступлением, зафиксирована во 2-ой статье этой таблички, а такое же преступление, совершенное мужчиной, в двух фрагментарно сохранившихся статьях таблички N, хотя и в том, и в другом случае решение по таким делам выносит царь.

Правитель в данном случае выступает как представитель высшей сакральной силы, поскольку от него зависит определение правовой категории «вины». Частью санкции, определенной в рамках рассмотрения дела царем, будет выполнение на определенный срок т.н. царской работы (т.е. работы в царских хозяйствах). В данном случае принцип ассоциации применялся, вероятно, избирательно.

Далее рассматриваются вопросы, которые в исследуемый нами период были, прежде всего, связаны с морально-нравственными и сакральными категориями «греха», тогда как сейчас квалифицируются как уголовное преступление – сексуальные домогательства и насилие над женщиной.

При этом мы выявляем необычную закономерность. Статья 12, в которой описан казус, когда мужчина овладевает женщиной без её согласия с применением силы, практически полностью повторяет вторую часть статьи 16 (в первом случае он предварительно сообщает ей о своем намерении, а во втором насилие происходит после некоего

обмана (или, по другой версии, приглашения) со стороны мужчины). Наказание в каждом из указанных казусов различное. В первом случае мужчина должен умереть, а женщина считается невиновной, тогда как во втором случае оба участника преступления несут одинаковое наказание, поскольку оба считаются виновными. Женщина виновна, вероятно, даже на том основании, что она приняла приглашение и куда-либо пошла вместе с другим мужчиной (как мы знаем из статьи 40, даже непокрытая женщина, вышедшая на улицу, подвергалась общественному порицанию).

Далее можно обнаружить очень близкую по содержанию к указанным двум статьям 22, где некий мужчина отправляет женщину с собой в путешествие (вероятно, торговое). Если он, в рамках указанного путешествия, посягнет на неё, то его ждёт два вида наказания – ордалия (испытание в водах реки в связи с клятвенным обвинением со стороны женщины) и выплата убытков мужу женщины. Кроме того, он подвергнется дополнительному наказанию, но только в том случае, если супруг решит наказать свою жену (такое же наказание должно быть наложено и на преступника).

С одной стороны, подобная статья практически противоречит предыдущей, поскольку нам известно, что замужняя женщина не должна никуда идти с каким-либо мужчиной, если он не принадлежит к числу её родственников и родственников её мужа (а в тексте нормы четко указано, что мужчина не относится к семье её мужа).

С другой, если предположить, что в данном случае, в отличие, к примеру, от статьи 12, мужчина - её соплеменник и дальний родственник, то зафиксированный в ней казус имел право на существование и не противоречил другой норме.

В статье 23 похожий правовой казус происходит в доме подруги замужней женщины, которая без согласия своей подруги привела к ней мужчину. В том случае, если пострадавшая сообщит в местный суд о поругании своей части, то она избежит наказания (её соблазнитель и сводница должны быть убиты), если же она не сделает этого, оказавшись, таким образом, соучастницей, то муж сам имеет право определить ей наказание.

Таким образом, на основании подробного исследования нескольких практически идентичных (для современного права) казусов можно сделать вывод, что в разных случаях наказания были раз-

личными. Каждая из таких санкций соответствовала своему прецеденту, а юрист, занимавшийся кодификацией правовых норм, не ставил перед собой задачу свести все казусы к одной или нескольким нормам, а, наоборот, старался описать все возможные прецеденты, отдельно указывая и диспозиции, и санкции по ним.

В качестве подтверждения нашей гипотезы можно отметить также статью 24, где замужняя дама, сбежавшая из отцовского дома или из того места, куда её определил муж, ищет приют в своем поселении или в соседних. Как сообщает текст нормы права, в том случае, если хозяин дома знал, что в его доме живет чужая жена, и мог воспользоваться её присутствием в доме, то он должен отвести тройную цену этой женщины, если бы она была продана как рабыня. Такой же штраф платит мужчина в статье 55 отцу за совращение свободной девушки.

Также необходимо обратить внимание на тот факт, что, к примеру, в законах Хаммурапи прелюбодеянию и насилию над женщиной посвящены не 13, как в среднеассирийских законах, а только две статьи -129 и 130, и ещё две (131 и 132) оговаривают действия супругов и правовые последствия при клятвенном обвинении женщины в подобном преступлении, в первой статье -самого супруга, во второй - сообщинников.

Обвинения женщины в прелюбодеянии со стороны сообщинника содержаться в двух статьях таблички – 17 и 18. Обе эти нормы оговаривают правовые действия, которые должны произвести супруг обвиненной женщины и обвинитель. В первом случае, обвинитель сам не присутствовал при нарушении моральных норм, и поэтому не мог клятвенно уличить жену сообщинника, во втором, он готов произнести необходимую клятву.

Однако самым важным для исследователя является то, что в статье 17 содержится указание на то, что и супруг обвиняемой и сам обвинитель, прежде чем пойти к реке для погружения в воду обвинителя и установления божественной истины (ордалия), они были обязаны составить документ (giksum). Они должны, таким образом, зафиксировать исследуемый правовой казус и передать табличку храмовым судьям.

Изучение ряда других статей также подтверждает наши выводы. Так, в статье 36 указано, что если муж уйдет за пределы поселения, не оставив

жене средств на пропитание, то она должна хранить ему верность и ждать его в течение пяти лет. Однако если он отсутствовал не по своей вине, то может после возвращения забрать свою жену себе, дав в качестве компенсации её второму мужу другую женщину (т.е. свою рабыню или наложницу). Если же он поехал в поездку за границу по воле царя, то жена не имеет права нарушать брачный договор ни при каких обстоятельствах. Если она уйдет к другому мужу и родит от него детей, то все они должны быть возвращены её первому супругу после его возвращения.

В статье же 45 той же таблички зафиксировано, что если мужа женщины забрал враг, то она должна ждать мужа два года, в течение которых её будет сдерживать дворец (если муж был дворцовым служащим) или ей выделят надел из общинных земель (если её бывший муж – общинник). Когда пройдет указанный срок, она получит документ с указанием об изменении её правового статуса на вдовый. Если же её муж вернется, то может, по её желанию, взять её обратно в качестве супруги, но дети, которых она родила в другом браке, останутся со своим отцом.

В данном случае, как и в предыдущем, нельзя говорить о противоречии в правовых нормах, поскольку они фиксируют различные прецеденты. В статье 36 описывается путешествие, связанное с участием в торговом предприятии, а в статье 45 – военный поход и правовые последствия захвата воина в плен для его жены и семьи в целом.

В параграфе 41 подробно описываются все юридические и сакральные процедуры, сопровождающие переход наложницы в статус супруги, а в статье 42 - переход дочери свободного общинника в статус супруги. При этом в тексте статьи нет указаний на составление брачного договора.

Однако в уже исследованной нами статье 36, а также в статье 39, где мужчина берет в жены девушку, которая, в связи с бедственным положением её родной семьи, жила в доме кредитора в качестве залога, упомянуто составление брачного договора на определенный (как в 36-ой) или неопределенный срок (как в 39-ой статье).

Такое противоречие связано, прежде всего, с конкретным казусом, закрепленным в этих нормах права. В первой из них, муж-торговец, зная об опасном характере своего бизнеса, заключает такой договор с родственниками жены сроком на

пять лет, и минимизирует моральные и материальные риски, связанные с его возможным длительным отсутствием рядом с супругой.

Во второй, подобный договор заключается для того, чтобы кредитор был уверен, что сможет получить свою ссуду, не предъявляя претензий к неимуществу отцу девушки.

Таким образом, обязательственные правоотношения, предполагающие применение в частном праве правоустанавливающих формально определенных документов (договоров), не получили в указанном регионе в исследуемый период такого развития, как на юге и в центре Месопотамии.

Некоторые из указанных в источниках договоров хотя и оформляли имущественные правоотношения, но составлялись, прежде всего, для общинной власти, а не для конкретных наследников или усыновленных.

При этом необходимо отметить четко разработанную в северной Месопотамии правоприменительную систему, выраженную в закреплении в публично-правовых источниках решений судей.

Обратимся к частноправовым источникам.

Прежде всего необходимо отметить, что по-скольку ведущая роль в создании системы торговых колоний в Малой Азии принадлежала именно выходцам из Ашшура, которые не только постоянно поддерживали тесные связи с метрополией, но и использовали в управлении колониями юридические институты аналогичные тем, которые себя успешно зарекомендовали на родине, то такие тексты можно использовать в качестве аутентичных для исследования интересующего нас вопроса.

Тексты, большинство из которых письма торговцев, содержат указания на участие в различных правоотношениях, связанных с коммерческой торговлей.

Около трети документов посвящены правоприменительной практике. Часть из них фиксируют различные иски и расследования по делам, ими инициированным, другая часть – судебные решения торговой колонии, принятые в центре системы международной торговли Канише, которые рассматривались выше.

Остальные таблички отмечают или фиксируют различные коммерческие отношения обязательственного характера. Однако упоминания договоров торгового партнерства или оформление

таких сделок можно обнаружить не более чем в трети от общего числа подобных источников.

Среди указанных договоров наиболее распространенными были сделки-*naṅkum*, договоры-*be'ulātum* и контракты транспортировки-*ellatum*. Два последних из них посвящены сбору и транспортировке товара и, в связи со сложностью проведения таких операций, их несвоевременное выполнение часто становилось причиной для дальнейшего вчинения исков. Экономически же они представляют собой документы вклада.

Но даже в первом из них, носившем в большей степени правовой, а не коммерческий характер, в завершающей части часто можно найти интересную правовую формулу – *ana awatim aniatim kārum Kaniš idīniatīma maḥar paṭrim ša Ašur šībutīni nidīn* «для решения (каких-либо) подобных (правовых) казусов мы должны будем отправиться в торговую контору Каниша и поклясться на (священном) кинжале (бога) Ашшура (прежде чем) дать показания (по делу)» (к примеру, в документах ССТ 45 и Schmidt 2)⁶. Таким образом, в документы подобного типа предполагают возможность их дальнейшей трансформации в правоприменительные акты.

Другие источники правоустанавливающего характера фиксируют чисто коммерческие операции – кредита, вклада, расчетов с различными видами залогов и поручительств (брачные договоры, усыновление, или обязательства по наследованию имущества встречаются среди указанных текстов очень редко). Самыми популярными из таких документов являются сделки займа некоторых сумм на проведение коммерческих операций⁷.

⁶ Eisser G., Lewy J. Die Altassyrischen Rechtsurkunden vom Kültepe, 1930. Leipzig. T 1-2. 340 s., S. 256-263.

⁷ Кроме того необходимо отметить, что также довольно существенное количество текстов посвящено коммерческой переписке членов торговой конторы Каниша с купцами-участниками торгового сообщества, с руководителями торговцев в Ашшуре или с другими более мелкими торговыми конторами. В очень интересной работе французской исследовательницы С.Мишель из 400 текстов, опубликованных и переведенных ею, 43 таблички рассматривают именно эти вопросы. Отечественный ученый Н.Б. Янковская перевела и опубликовала 120 табличек, более 20 из которых также содержат эпистолярные источники похожего содержания// Michel C. Correspondance des marchands de Kanich, 2001. Paris. 601 p., P. 81-116; Янковская Н.Б. Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР, М.: Наука. 1968. 306 с. С.

К примеру, в одной из редких и профессионально подобранных публикаций исследуемых текстов, в качестве юридических документов, изданных немецкими авторами Г. Айсером и Ю. Леви, из 341 табличек 75 источников рассматривают, именно, сделки индивидуальных займов. Отдельные лица берут кредиты для проведения торговых операций в Малой Азии, с установлением и возможным продлением сроков таких платежей и, соответственно, с увеличением процентных выплат по ним⁸.

Ещё 11 табличек посвящены предоставлению кредитов для торговцев, которые будут участвовать в международной торговле, а правовые последствия таких сделок зафиксированы в других 32 текстах⁹. Также вопросы кредитования частично затрагивают другие 13 табличек¹⁰. Таким образом, подобные документы составляют в среднем около 40% от общего числа источников, опубликованных автором.

С одной стороны, структура договора в данном случае очень четко разработана с формальной точки зрения. В начале краткого текста выделяются существенные условия договора – предмет, субъекты и сроки. Затем фиксируются предписываемые условия, среди которых обычно указывается процентным или беспроцентным является кредит и когда и как будут выплачены проценты, если таковые предполагались. В конце упомянуты имена свидетелей сделки.

С другой стороны, с правовой точки зрения большинство из таких документов очень кратки, мало информативны и свидетельствуют, прежде всего, об уровне развития торгового кредитования, требующего постоянного составления множества подобных табличек.

105-136. Однако, в своем исследовании мы ограничимся уже указанными группами источников, поскольку остальные в большей степени затрагивают коммерческие вопросы. Особенно важны такие тексты при изучении международного права, т.к. содержат упоминания о торговых контактах с местными правителями и торговцами. Но мы в своей работе ограничимся вопросами, рассматривающие ашшурское право.

⁸ Eisser G., Lewy J. Die Altassyrischen Rechtsurkunden vom Kültepe, 1930. Leipzig. T 1-2. 340 s., S. 15-67.

⁹ Idem, S. 130-144, 185-214.

¹⁰ Idem, S. 215-243; Gelb I.J. Inscriptions from Alishar and vicinity, 1935. Chicago. 236 p. P. 87-88.

Тем не менее, в большинстве из указанных текстов для определения сроков выдачи ссуд используются судебные органы, упомянутые в уставе торговой колонии - ḥamuštum (1/5 часть собрания купцов), реже šalšātum (треть).

В некоторых из них, как, к примеру, в табличках BIN IV 121 BIN IV 206, непосредственно упомянута контора торговой общины¹¹.

Таким образом, даже оформление договоров индивидуального займа, составлявшихся с чисто коммерческими целями, не проходит без контроля судебных инстанций торгового сообщества, которые не только проверяют правильность составления таких документов, но и являются гарантом исполнения заключенных в них финансовых обязательств.

Однако при столь активном участии в делах торговой общины судебных органов, не удивительно, что самими интересными юридическими документами оказываются правоприменительные тесты.

Обратимся, прежде всего, к решениям суда. Как известно, такие документы обычно предвзялись, как указывалось выше, исковыми заявлениями, но, к сожалению, подобные заявления не всегда сохранились.

Некоторые из них, как, к примеру, документ Jena 368 или табличка 69, фиксируют решение по делу о передаче серебра судебному представителю местного правителя (rabi sikkatim), что, вероятно, было связано с задолженностями перед местными купцами¹².

Другие, как тексты КТР 17, BIN IV 179, Jena 402, L 13 и VAT 13529, указывают на необходимость выплаты долга по кредиту, или, наоборот, требуют от несправедливо обвинившего ответчика истца выплаты в качестве компенсации 1 мины серебра (0,5 кг).

Некоторые источники более информативны.

В документе De Clercq суд признает виновность торговца Ишталкиана, который должен был доставить необходимый товар и деньги. Однако, прежде чем попасть на территорию одного из

¹¹ Idem, S. 198-201; van der Meer P. Une correspondance commerciale assyrienne de Cappadoce, 1931. Roma. 147 p. P. 121-135.

¹² Idem, S. 306-325; Michel C. Correspondance des marchands de Kanich, 2001. Paris. 601 p., P. 133-134.

малоазийских княжеств, купцу было необходимо пройти своеобразный таможенный досмотр. Часть товара царь и его администрация забирали себе (*ēribtum*). Судьи определяют, что если во дворце заберут весь товар, в качестве наказания за возможный провоз контрабанды, то Ишталкиан не сможет возратить ссуду кредитору. Тогда он должен выплатить 1 мину серебра (0,5 кг) в качестве штрафа, после чего претензий к нему со стороны заимодавца Шахаиршрама быть не должно.

В тексте BIN IV 206 торговец Иддина обращается в контору одного из небольших торговых поселений Нихрия с иском о изъятии долга по кредиту с нескольких купцов – Аху-вакара, Энна-анума и Цилли-Адада. Для решения дела документ был направлен судьям в Каниш, где было принято решение, что документ, в котором указан долг, составлен неправильно. После допроса свидетелей выяснилось, что документ фальшивый (т.е. долг был, но хитрый торговец сильно преувеличил его размеры).

Судьи больше не будут возвращаться к рассмотрению этого документа, а Иддина по договоренности с купцами может составить другой текст. Все то, что являлось долгом указанных торговцев, он теряет в качестве штрафа за подделку документа.

Из таблички VAT 9227 можно узнать, что для разбора дела купца Шу-Сина, связанного, вероятно, со смертью купца и переходом части его имущества сыну, в дом к нему будет приглашено три незаинтересованных торговца. Они в качестве свидетелей в присутствии сына и кредитора откроют кладовые и найдут необходимые документы, затем произведут опись имущества для дальнейшей передаче наследнику. Всё вышеуказанное должно произойти при члене местной администрации, который также проконтролирует правильность выплат местному купцу-кредитору Шу-Сина.

В другом документе Jena 444 решается дело о разводе, по которому жена получает 1 мину серебра в качестве компенсации. Однако три сына торговца остаются жить с ним, а бывшая супруга не сможет претендовать ни на них, ни на какое-либо другое имущество супруга (если сравнить указанный прецедент с данными документов публичного права, рассмотренных выше, то можно обнаружить, что норма права и в данном случае пытается консолидировать конкретные прецеден-

ты, поскольку в ней зафиксировано, что бывший муж может дать супруге какое-то материальное обеспечение на будущее, а может и не давать (статья 37)¹³.

В табличке Rosenberg 1 большое количество меди (больше 100 кг) было закуплено Ашшур-белаватимом. Однако он объясняет суду, что из этой суммы 15 мин (7,5 кг) было уплачено в качестве транспортных расходов. Суд решил, что половину меди купец может взять себе, а остальное он должен вернуть кредиторам, которые предоставили ему ссуду на покупку металла. Похожий прецедент рассмотрен во фрагментарно сохранившемся тексте КТР 32.

В тексте VAT 9216 содержится несколько решений по делам, объединённым в одно судопроизводство.

Во-первых, после смерти купца Пузур-Иштара, его сын и кредитор отца разбили табличку с долгом последнего, который, вероятно, был или прощён, или погашен.

Во-вторых, часть серебра из общей кассы, которую держал покойный, осталось у его компаньона Пушукена. Он должен по решению суда поклясться у кинжала бога Ашшура, что у него осталась только мина серебра. Остальные 4 мины, а также 3 1/3 мины серебра (всего около 4 кг), которые были предоставлены ему для закупок товаров, списаны с его счета, хотя срок, определенный для закупок по вкладам, уже завершился. Товар, вероятно, всё же был приобретен, но его транспортировка по каким-то причинам затягивалась.

Но особенно интересными представляются нам не отдельные судебные решения общины, а решения, принятые по делам, которые были инициированы дошедшими до ученых исками и подробно записаны в табличках.

Несколько таких документов (№ 76, 77, 78 и частично 80) было переиздано и повторно переведено французской исследовательницей С. Мишель¹⁴.

¹³ Law collections from Mesopotamia and Asia Minor (by M.T.Roth), Atlanta. 1997.S.166-167.

¹⁴ *Rendre la justice en Mesopotamie (Archives judiciaires du Proche-Orient ancien (III-I millénaires avant J.-C.))*, 2000. Saint-Denis. 265 p., p. 120-124. Впервые указанные тесты были изданы Г. Айсером и Ю. Леви // Eisser G., Lewy J. *Die Altassyrischen Rechtsurkunden vom Kültepe*, 1930. Leipzig. T.3-4. 1935. 168 s. S.41-66.

Указанные таблички – часть зафиксированного в источниках долгой судебной тяжбы между купцом Бузазу и его компаньонами, осложнённой смертью одного из них – Пузур-Ашшура, во время проведения интересующего нас расследования.

Данное решение было принято по иску торговца Или-ведеку к Бузазу. Суд, не вдаваясь непосредственно в материалы дела, вынес довольно двусмысленный вердикт о том, чтобы истец и ответчик записали свои претензии на табличку, а затем после окончания совместной коммерческой операции обсудили все имеющиеся разногласия, пойдя на мировую.

Во второй табличке представлены показания истца и ответчика. Или-ведеку обвиняет Бузазу, что он присвоил себе после смерти своего компаньона часть товара, который был передан истцом для участия в совместном контракте и размещен для дальнейшей продажи на складе коммерческой фактории другого малоазийского торгового центра – Вахшущаны.

Бузазу отвечает, что товар (45 талантов меди, т.е. около 1350 кг) остается на хранении в конторе, но большая часть из него, согласно табличке умершего Пузур-Ашшура, принадлежит ему. Кроме того, у него есть предыдущее решение торговой общины Каниша, в котором он не признан виновным по делу.

В третьем документе можно ознакомиться с показаниями свидетелей, которые входили в дом Пузур-Ашшура после его смерти и передали часть из найденных там документов и товаров (серебра, золота, меди и тканей) поверенному умершего Энна-Сину. При этом свидетели потребовали от поверенного, чтобы он не занимался коммерческими операциями до того момента, пока не встретится с кредиторами бывшего хозяина и не отдаст их деньги и товары, вложенные в торговое предприятие, им обратно.

В четвертом тексте другой компаньон покойного подает иск на Энна-Сина, который не сберег переданного ему товара и документов, а передал всё указанное ближайшему товарищу своего бывшего хозяина – Бузазу. Энна-Син был также допрошен судом и рассказал, что Бузазу обещал учесть все интересы вкладчиков, как своих соотечественников, так и местных торговцев.

В последней табличке Энна-Син повторно дает показания по этому делу перед кредиторами

Пузур-Ашшура, его сыновьями и их адвокатом-rabišum.

Таким образом, судебная система общины была основным правовым инструментом, регулирующим деятельность торговых колоний в Малой Азии, особенно её ашшурского квартала.

Кроме того, в источниках частного права мы обнаруживаем упоминания о постановлениях или указах царя и городского совета Ашшура, которые вместе с рассмотренными нами решениями суда становились судебными прецедентами, которые и становились источниками публичного нормативного права на севере Месопотамии.

В качестве подтверждения нашей гипотезы обратимся к данным документов, демонстрирующих активное участие в судебном процессе адвокатов.

Вернемся к последней из вышеупомянутых табличек. Интересы детей умершего купца Пузур-Ашшура, которые должны были получить наследство отца и продолжить его дело, отстаивал адвокат умершего купца, что как отмечают источники, является обычной судебной практикой.

В одном из документов, изданных немецким специалистом Б. Кинестом, адвокат Ашшур-пилах составляет и присутствует при подписании контракта коммерческого партнерства между детьми двух известных предпринимателей Амур-Иштара и Пушукена¹⁵.

В другой табличке BIN IV 103 адвокат участвует в судебном заседании торговой общины, передавая для глав собрания документы о долгах по кредитам некоторых купцов, и они же доставляют таблички с уже решенными делами, т.е. прецедентами в Ашшур, где они будут использованы для создания публичных норм¹⁶.

А в тексте 6, изданном и переведенном С. Мишель, адвокат купца Шу-лабана должен прийти в Каниш, и выступить в защиту торгового сообщества в целом¹⁷.

¹⁵ Kienast B. *Altassyrische Texte des Orientalistischen Seminar der Universität Heidelberg und der Sammlung*, 1960. Berlin. 289 s. S. 29-33.

¹⁶ Eisser G., Lewy J. *Die Altassyrischen Rechtsurkunden vom Kültepe*, 1930. Leipzig. T.3-4, 1935, 168 s. S.12-15.

¹⁷ Michel C. *Correspondance des marchands de Kanich*, 2001. Paris. 601 p., P. 68.

Адвокат мог действовать и как официальное лицо, представляя интересы городского совета Ашшура в Малой Азии, так и в частном порядке, защищая отдельных купцов и коммерсантов, их семьи и компаньонов. Однако сам факт распространения услуг такого рода свидетельствует о том, насколько велика была роль судебного решения, принятого в результате всестороннего рассмотрения дела и при участии последних.

Для северной Месопотамии (в том числе и для ашшурских и других семитских купцов) отправной точкой в развитии правовой культуры были не обязательственные, правоустанавливающие документы, которые в более поздний период будут тесно связаны с публичными нормативными актами, а именно суды, решения которых становились прецедентами и определяли дальнейшую правоприменительную практику.

Библиография

1. Аврутин Ю.Е. Государство и право: теория и практика, М.: Юнити-Дана, 2009. - 504 с.
2. Дьяконов И.М., Дунаевская И.М., Магазинер Я.М. Законы Вавилонии, Ассирии, Хеттского царства // Вестник древней истории, 1952, № 3, С. 265-267.
3. Перевалов В.Д. Теория государства и права, М.: Юрайт, 2010. – 379 с.
4. Янковская Н.Б. Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР. М.: Наука, 1968, 306 с.
5. Driver R. G. Studies in Cappadocian Tablets // Revue de Assyriologie et anthropologie orientales, 1927. V.24. № 4. P. 153-179.
6. Driver G. R. The Assyrian laws, 1935. Oxford. 617 p.
7. Eisser G., Lewy J. Die Altassyrischen Rechtsurkunden vom Kültepe, 1930. Leipzig. T.1-2, 1930, 341 s.; T.3-4, 1935, 168 s.
8. Garelli P. Les Assyriens en Cappadoce, Paris.1963. 467 p.
9. Gelb I.J. Inscriptions from Alishar and vicinity, 1935. Chicago. 236 p.
10. Kienast B. Altassyrische Texte des Orientalischen Seminars der Universitat Heidelberg und der Sammlung, 1960. Berlin. 289 s.
11. Larsen M. T. Partnership in old Assyrian trade // Iraq, 1977. V.39. № 1. P. 119-145.
12. Law collections from Mesopotamia and Asia Minor (by M.T.Roth), Atlanta. 1997. 287 p.
13. Les lois assyriennes, 1969. Paris: LEDC. 358 p.
14. van der Meer P. Une correspondance commerciale assyrienne de Cappadoce, 1931. Roma. 147 p.
15. Michel C. Correspondance des marchands de Kanich, 2001. Paris. 601 p.
16. Rendre la justice en Mesopotamie (Archives judiciaires du Proche-Orient ancien (III-I millenaires avant J.-C.)), 2000. Saint-Denis. 265 p.
17. Westbrook R. A historia of ancient near eastern law, 2003. V. I-II. Leiden-Boston. 986 p.

References (transliteration)

1. Avrutin Yu.E. Gosudarstvo i pravo: teoriya i praktika, M.: Yuniti-Dana, 2009. - 504 s.
2. D'yakonov I.M., Dunaevskaya I.M., Magaziner Ya.M. Zakony Vavilonii, Assirii, Khettskogo tsarstva // Vestnik drevney istorii, 1952, № 3, S. 265-267.
3. Perevalov V.D. Teoriya gosudarstva i prava, M.: Yurayt, 2010. – 379 s.
4. Yankovskaya N.B. Klinopisnye teksty iz Kyul'-tepe v sobraniyakh SSSR. M.: Nauka, 1968, 306 s.
5. Driver R. G. Studies in Cappadocian Tablets // Revue de Assyrologie et anthropologie orientales, 1927. V.24. №4. P. 153-179.
6. Driver G. R. The Assyrian laws, 1935. Oxford. 617 r.
7. Eisser G., Lewy J. Die Altassyrischen Rechtsurkunden vom Kűltepe, 1930. Leipzig. T.1-2, 1930, 341 s.; T.3-4, 1935, 168 s.
8. Garelli P. Les Assyriens en Cappadoce, Paris.1963. 467 p.
9. Gelb I.J. Inscriptions from Alishar and vicinity, 1935. Chicago. 236 p.
10. Kienast B. Altassyrische Texte des Orientalischen Seminars der Universitat Heidelberg und der Sammlung, 1960. Berlin. 289 s.
11. Larsen M. T. Partnership in old Assyrian trade // Iraq, 1977. V.39. № 1. P. 119-145.
12. Law collections from Mesopotamia and Asia Minor (by M.T.Roth), Atlanta. 1997. 287 p.
13. Les lois assyriennes, 1969. Paris: LEDC. 358 p.
14. Van der Meer P. Une correspondance commerciale assyrienne de Cappadoce, 1931. Roma. 147 p.
15. Michel C. Correspondance des marchands de Kanich, 2001. Paris. 601 p.
16. Rendre la justice en Mesopotamie (Archives judiciaires du Proche-Orient ancien (III-I millenaires avant J.-C.)), 2000. Saint-Denis. 265 p.
17. Westbrook R. A historia of ancient near eastern law, 2003. V. I-II. Leiden-Boston. 986 p.